

АКАРТЕЛЬ Густав Михал,

кандидат филологических наук, адъюнкт кафедры русского языка Силезского университета в г. Катовице;
Сосновец, Польша;
e-mail: akartel@hotmail.com; моб.: +48 503192117

**МОДЕЛИ СЕМАНТИЧЕСКИХ ДЕРИВАТОВ В РУССКИХ
И ПОЛЬСКИХ СОЦИОЛЕКТАХ****(на материале номинации человека по внешнему виду)**

Аннотация. В статье предпринята попытка построения потенциальных моделей, отображающих механизмы семантической деривации на основе метафоры и метонимии в языковом подстандарте (арго, жаргоны, сленг). Мы рассмотрели 125 семантических дериватов (75 русских и 50 польских). Больше всего реакций на внешний вид человека в русском (35 %) и польском (28 %) языках представляют реакции, мотивированные показателем PD (предмет, орудие, результат труда). Другие реакции на рассматриваемый стимул в русских социолектах при сравнении с польскими такого параллелизма не показывают. В русских социолектах исследованные семантические дериваты мотивированы так: PR (кулинария) — 14,6 %; SK (млекопитающее) — 10,6 %; SO (соматоним) — 8 %; PZ (профессия, титул, звание, род занятий) — 5,3 %; NO (лицо) — 4 %, EF (физическое явление), FG (геометрическая фигура), JM (единица измерения), RK (беспозвоночное) и RO (растение) — по 2,6 %, прочие (EP (элемент неживой природы), PH (исторический персонаж), PT (птица), RB (рыба), SP (спортсмен), SR (существо) и WF (физиологические выделения)) по 1,3 %. В польских социолектах процентное соотношение в порядке убывания реакции таково: SK — 12 %, RO — 10 %, NO, PR и SO — по 8 %, PF (герой кинофильма) и RB — по 6 %, RK — 4 % и остальные (EG (графический знак), PM (мифологический персонаж), JM, PT и PZ) по 1 %. Некоторые стимулы не приводят к возникновению реакций в виде неосемантизмов. В русском материале нет таких реакций при ассоциациях с EG, PF и PM, а в польском — с EF, EP, FG, PH, SP, SR и WF. В русских и польских социолектах наибольшее количество семантических дериватов, которые мотивированы внешним обликом человека, — это номинации полных, тучных людей.

Представленные модели можно использовать для изучения регулярных и нерегулярных номинативных процессов неосемантизации.

Ключевые слова: семантическая деривация, семантическая модель, социолекты, стимул, мотивация, реакция, русский язык, польский язык.

Основная цель исследования — попытаться построить когнитивные модели лексико-семантического образования социолектных единиц и выделить среди них регулярные и нерегулярные модели. В связи с этим были описаны механизмы действия неосемантических парадигм. Исходя из предположения, что всё существующее, в том числе, естественные языки, опирается в своём действии на акции и реакции, т. е. причинно-следственные механизмы, можно предположить, что существуют закономерности, управляющие процессом неосемантизации, равно как и выбором материала, используемого в этом процессе. Таким материалом следует считать слова соответствующего значения. Под социолектами мы понимаем языки различных социальных групп, как правило, искусственно создаваемые с целью языкового обособления, а также языковой экспрессии. Языковой материал для статьи извлекался из известных как в России, так и в Польше словарей разного типа социолектов: [1; 2; 3; 4; 6; 7] для русского языка и [8; 9; 10] — для польского. Объектом анализа были слова, называющие человека по характерным признакам внешнего вида — высокий, полный, худой и т. п.

Предложенные в работе модели имеют упрощенную форму, что обусловлено невозможностью полного представления всей многоаспектности изучаемого нами процесса: «...нереально ожидать от естественного языка абсолютной предсказуемости — многое является градуированным, значительна при этом и роль конвенций» [5, с. 6]. Это можно понимать как невозможность отображения при помощи когнитивных моделей реакции на конкретный стимул в сугубо определённых обстоятельствах конкретной личности, однако вполне реальным видится отображение таких реакций в языковом социуме (молодёжный сленг, городское арго, тюремный жаргон, профессиолекты и т. д.), что подтверждается статистическим анализом регулярных и нерегулярных реакций. Под регулярными мы понимаем предсказуемые повторяющиеся реакции на данный стимул. В нашем исследовании эквивалентом стимулов выступают тематические группы и подгруппы, отбираемые составителями словарей, типа «высокий человек», «сильный человек», «беременная женщина», «худая женщина» и т. д.

Присутствие либо отсутствие тех или иных тематических групп в данном языковом коллективе может свидетельствовать о его предпочтениях по отношению к окружающей действительности. Процесс семантической деривации характерен для всех естественных языков, это

одна из универсалий. В связи с этим возникает вопрос, насколько это явление объективно, а насколько оно субъективно? Субъективизм проявляется в том, что каждый носитель языка способен образовать на основании личного восприятия те или иные семантические дериваты. Объективизм, в свою очередь, заключается в том, что другой носитель того же языка способен правильно дешифровать представленную реакцию. Данное положение может служить доказательством системности семантической деривации.

Предлагаемые нами модели предполагают сопоставление русских и польских социолектов, которые мы будем рассматривать на основе единого методологического подхода с учётом количественных различий.

В отношении избранной номинации лиц модели представлены цепочками следующих компонентов: **Стимул** → **Мотиватор** + **Ассоциации** + Σ → **Реакция**, где **Стимул** следует понимать как контекст (в нашем случае это тематическая группа); **Мотиватор** — как эмоционально-психологические показатели, включающиеся при появлении Стимула; **Ассоциации** — как проявление возможных путей, ведущих к Реакции; Σ — как синтез Стимула, Мотиватора и Ассоциаций; **Реакция** — как результат, включающий разнообразный опыт говорящего и отображающий его восприятие мира.

Следует также иметь в виду, что Реакция первоначально может предполагать результатом и окказионализм, который потенциально способен войти в языковой узус данной социальной группы. Вхождение может обозначать, что выбранная реакция соответствует когнитивным параметрам группы, а её характер вписывается в ментальные и коммуникативные потребности носителей данного социолекта. Окказионализм имеет способность стать единицей узуса, заняв своё место рядом с уже существующими Реакциями (образуются синонимические и квазисинонимические цепочки), а также вытеснить другую какую-либо единицу или сосуществовать с ней, что для социолектов вполне характерно.

Таким образом, если в том или ином языке данные реакции ведут себя как регулярные (например, номинация лиц по этническим и расовым признакам, мотивируемая зоонимами¹), а в другом языке подобных реакций нет либо они единичны, открывается поле для сравнительных и других исследований языковых картин мира носителей данных языков.

Наша когнитивная модель $C \rightarrow M^2 + A + \Sigma \rightarrow R$, отображающая номинацию лиц (семантическую деривацию) по внешнему признаку, строилась на основании ниже указанных факторов:

Стимул	Мотиватор	Ассоциация	Синтез	Реакция
Отражён тематической (лексико-семантической) группой	Ch — Худой Ck — Тяжелый Dg — Длинный Du — Большой Gr — Тучный Ma — Малый, небольшой Ow — Овальный, круглый Sb — Слабый Si — Сильный Tl — Жирный Ws — Узкий, тонкий Wy — Высокий	EF — Физическое явление EG — Графический элемент EP — Элемент неживой природы FG — Геометрическая фигура JM — Единица измерения NO — Лицо PD — Предмет, орудие, результат труда PF — Персонаж, герой кинофильма PH — Исторический персонаж PM — Мифологический персонаж PR — Кулинария PT — Птица PZ — Профессия, титул, звание, род занятия RB — Рыба RK — Беспозвоночное (черви, насекомые, паразиты и т. д.) RO — Растения (в том числе грибы), их составные части, плоды SK — Млекопитающее SO — Соматонимы (тело, часть тела, органы и т. д.) SP — Спортсмен SR — Существо WF — Физиологические выделения	(Σ)	Семантический дериват — неосемантизм

По нашим подсчётам, самую обширную группу лексем (30 русских и 15 польских) составляют семантические дериваты, стимулом для которых был **располневший, тучный ЧЕЛОВЕК**. В номинативные основания слов этой группы, в первую очередь, легла ассоциация с миром

¹ Под зоонимами мы понимаем нарицательные обозначения животных (*зебра, корова, крыса* и пр.).

² Мотиватор может состоять из большого количества взаимно дополняемых признаков, ведущих к ассоциациям, однако в статье мы ограничимся только одним, наиболее объективным.

животных: $Sk^1 + SK + \Sigma \rightarrow$ бегемот [1], боров [3], слон [3], хряк [3] и польские *basior* [10] (матёрый волк)², *caban* (валашский баран) [10], *knur* [10] (хряк) и *tucznik* [10] (откормок).

В отличие от польского языка, помимо ассоциаций с млекопитающими, в русском материале проявила себя модель, в основу которой легло название откармливаемой птицы: $Sk + PT + \Sigma \rightarrow$ бройлер [3].

В русском языке располневший, тучный человек получил также отзоонимную номинацию, основанную на ассоциации с мелким млекопитающим грызуном, обладающим способностью значительным образом увеличивать свои щёки: $Ow + SK + \Sigma \rightarrow$ хомяк, хомячок [3].

Основой для семантической деривации в русском языке служат также названия блюд, продуктов, полуфабрикатов и пр., обычно считающихся высококалорийными: $Tl + PR + \Sigma \rightarrow$ гуляши [3], ливер [3], мясо [3], сало [1], сосиска [3], студень [3], теятина [3], холодец [3], шницель [3]. По этой модели в польском языке образованы лишь две лексемы: $Tl + PR + \Sigma \rightarrow$ *ciężcina* [10] (теятина) и *śtonina* [10] (сало).

Самостоятельную группу составляют номинации, основой для которых служат названия бытовых предметов с семантикой, предполагающей такие свойства, как ёмкость (большая), овальная, круглая, шаровидная форма, большой размер и т. п., например, ёмкости, помещения, сооружения: $Du + PD + \Sigma \rightarrow$ бочка [3], куль [3], рефрижератор [1], самовар [3], теятник [3]. Польские неосемантизмы также предполагают действие этой модели: *beczka* [10] (бочка), *beczkowóz* [10] (воз с бочкой), *becka* [8] (разг. большая бочка), *bęben* [10] (барабан), *rotunda* [10] (круглое или полукруглое здание, обычно с куполом — ротонда).

Ассоциации, лежащие в основе номинации располневшего, тучного человека, имеют также своё начало в номинациях других лиц. Эти слова называют профессию, социальный статус либо черты характера, ассоциирующиеся с полнотой: $Gr + PZ + \Sigma \rightarrow$ булочник [3], жлоб, жлобина [3], и польск. *hrabia* [10] (граф).

В мотивирующую основу вошли также соматоним — в русском языке: $Gr + SO + \Sigma \rightarrow$ щёка [3], а в польском — ассоциация с героем кинофильма: $Gr + PF + \Sigma \rightarrow$ *garsija* (Гарсия) [10].

Помимо тучной внешности при восприятии человека немалое значение имеет рост. Эта черта нашла свое отражение в тематической группе **ЧЕЛОВЕК ВЫСОКОГО РОСТА** в около 20 русских и 8 польских семантических дериватах. В русском языке главным мотивирующим фактором становятся ассоциации с более или менее сложными с технической точки зрения предметами, семантика которых предполагает длину, высоту и размер (большой): $Dg + PD + \Sigma \rightarrow$ багор [3], оглобля [1], свая [3], шпала, шпалга [3]; $Wy + PD + \Sigma \rightarrow$ башня [3], колокольня [1]; $Du + PD + \Sigma \rightarrow$ машина [3], сундук [3], шифоньер [3], шкап [1]. В эту группу следует включить также лексему *фитиль*, хотя ее когнитивная модель вместо признаков (Du) или (Wy) предполагает своим основанием (Ws): $Ws + PD + \Sigma \rightarrow$ *фитиль* [1], [3]. Небезынтересно отметить, что лексема *фитиль* в социолектах обладает сходной вторичной семантикой: это может быть 'высокий, худой, часто слабый, изможденный человек' [3], 'хилый человек, дистрофик' [2], 'высокий, худой человек', 'ослабевший больной человек' [1], равно как и 'доходяга' [7].

В польских социолектах по этой модели образованы три единицы: $Dg + PD + \Sigma \rightarrow$ *dlugopis* [10] (шариковая ручка), *tyka* [10] (шест) и *wycior* [10] (шомпол).

Вместе с тем модель, которая в русских социолектах проявила довольно высокую продуктивность, в польских, согласно источникам, представлена лишь одним дериватом: $Wy + PD + \Sigma \rightarrow$ *wieżowiec* [10] (высотное здание/дом-башня).

Отзоонимические дериваты были выявлены только в русском материале: $Du + SK + \Sigma \rightarrow$ кабан [3], слон [3]. Также только в русском встретилась единица, основанная на названии пищевого продукта: $Du + PR + \Sigma \rightarrow$ кабанятина [3]. Все прочие неосемантизмы представляют собой единичные образования: $Du + EP + \Sigma \rightarrow$ бугор [3]; $Du + SP + \Sigma \rightarrow$ жаботинский [3]; $Du + FG + \Sigma \rightarrow$ квадрат [1]; $Du + PZ + \Sigma \rightarrow$ мясник [3]; $Dg + WF + \Sigma \rightarrow$ сопля [3]; $Dg + RO + \Sigma \rightarrow$ сосна, сосенка [10] (сосна, сосенка).

Среди польских лексем, называющих человека высокого роста, встречаются номинации, основанные на противоположности к данному стимулу: *milimetr* (миллиметр) [10] и *przecinek* (запятая) [10]. В подобных случаях семантические модели приобретают менее очевидный облик, так как Стимул однозначен — человек высокого роста, однако в силу добавочных стимулов (на пример, юмористической или уничижительной окраски, что характерно для деклассированных элементов) возникают модели, построенные как $C \rightarrow M \neq A \rightarrow \Sigma \rightarrow P$, где Мотиватор порождает своеобразную антиАссоциацию, основанную на антигиперболе: $Wy \neq JM \rightarrow \Sigma \rightarrow$ *milimetr* и $Wy \neq EG \rightarrow \Sigma \rightarrow$ *przecinek*.

Внешний облик свидетельствует также о физической силе либо её отсутствии. **ЧЕЛОВЕК ФИЗИЧЕСКИ СИЛЬНЫЙ** в русском материале представлен 19 лексемами, в то время как в польском — 5.

¹ Символы Мотиваторов и Ассоциаций даны латинскими буквами.

² При описании лексем в квадратных скобках указывается источник, в круглых — наиболее близкий русский эквивалент для польских примеров.

Физическая сила, как можно предполагать, порождает нередко ассоциации с предметами составными или технически более сложными. В русских социолектах семантические преобразования подобного типа основываются на силе, мощности, величине или форме: Si + PD → Σ → *дизель* [1], *мотовила, мотовило* [3]; Du + PD + Σ → *багор* [3], *шифоньер* [3], *шкап* [1], *шкаф* [3]; St + FG + Σ → *рюмка, рюмочка* [3].

Помимо ассоциаций с предметами в русском материале возможны отзоонимические конструкции типа Si + SK + Σ → *кабан, лось*. По этой модели в польском языке были выявлены две единицы: *byk* [8] (бык), *goryl* [9] (горилла).

Остальные неосемантизмы представляют собой единичные образования, в основу которых легли ассоциации с элементами природы, грибами, мясом как пищей, соматонимами и т. д.: Du + EP + Σ → *бугор* [3], Du + RO + Σ → *гриб, грибок* [3], Du + PR + Σ → *кабанятина*¹ [3], Du + SO + Σ → *лоб* [1], *хобот* [1]; *żyła* [8], Du + SR + Σ → *монстр* [3], Du + NO + Σ → *мясник* [3] и одно польское, от персонажа кинофильма: Si + PF + Σ → *tarzan* [10] (Тарзан).

Внешний облик человека в социолектах предполагает также тематическую группу **ЧЕЛОВЕК НИЗКОГО РОСТА**. В словарях-источниках было обнаружено около двадцати подобного типа лексем, среди них десять русских. Ассоциации, повлиявшие на полученный результат (реакцию), на первом месте предполагают предметы: Ma + PD + Σ → *гвоздь* [3], *шпингалет* [1], [3], *шплинт* [1], польская лексема *taboret* [10] (табурет). В отличие от польского, в русском материале реакции на рассматриваемый стимул предполагают также единицы измерения: Ma + JM + Σ → *метр*² [3] и *фунт* [1].

Отзоонимные реакции в русском материале представлены единичным примером, мотивированной ассоциацией с насекомым: Ma + RK + Σ → *муха* [3]. В польском материале были выявлены ассоциации с млекопитающим, птицей и продуктом питания: Ma + SK + Σ → *jamnik* [9], [10] (такса — порода собаки), Ma + PT + Σ → *kaczor* [10] (селезень), Ma + PR + Σ → *filet* [10] (филе).

Судя по незначительному количеству обнаруженных нами лексем, также и соматонимы не играют существенной роли в номинации человека низкого роста. Было выявлено лишь по одному неосемантизму, восходящему к соматониму: Ma + SO + Σ → *пупок* [3] и польск. *perpek* [10] (пупок).

Довольно интересными представляются остальные неосемантизмы со значением 'человек низкого роста', в рассматриваемые нами социолекты перешедшие из разговорной речи и просторечия. Это лексем, в которых уже были составные семы 'малый', 'низкого роста', но они имели отношение исключительно к детям: *шкет* [1], [3] (*прост.* мальчишка, мальчик) и польск. *kajtek* [8], [9] (*разг.* маленький мальчик), *mikrus* [10] (*разг.* маленький ребенок), *szkrab* [10] (*разг.* малявка, малолеток). В отношении этих неосемантизмов когнитивная модель будет выглядеть следующим образом: Ma + NO + Σ → *шкет; kajtek, mikrus* и *szkrab*.

В русском материале встретился неосемантизм, основанный на ассоциации с историческим персонажем: Ma + PH + Σ → *пипин* [МА] (Пипин III Короткий).

Маленький человек также определяется как *шарик* [3]. Выведение семантической модели для этого неосемантизма представляет определенное затруднение, так как лексема *шарик* в нормативном языке многозначна, что затемняет пути возможных ассоциаций. *Шарик*, согласно основным толковым словарям русского языка, это и *уменьш.* к *шар*, и составной элемент крови (*устар.*), и *разг., шутл.* то же, что *земной шар*, и *прост., шутл.* в выражениях: *шарики не работают, шариков не хватает, шариками покрутятся* и некоторых др. — об умственных способностях человека, и *разг.* то же, что *шариковая авторучка*, и известная кличка собаки, синоним дворняжки. Как возможный вариант, когнитивную модель для неосемантизма *шарик* в языковом подстандарте можно представить в виде Ma + PD + Σ → *шарик*.

В заключение рассмотрения этой тематической группы приведём ещё одну лексему, результат семантического преобразования в польском языке, предполагающую в своем основании антигиперболу: Ma ≠ PM → Σ → *tytan* [10] (титан, гигант).

Располневший, тучный человек в русскоязычном материале представлен тридцатью лексемами, в то время как **ХУДОЩАВЫЙ, ХУДОЙ** лишь семью, при том, что в польском материале было выбрано около двадцати неосемантизмов, называющих человека по этому признаку.

Рассматриваемый стимул (худощавый, худой) лёг в основу семантической модели с ассоциациями по частям тела: Ch + SO + Σ → *кишка* [1], *палец* [3], *kościotrup* [8], [10] (кость, скелет), *szkielet* [8] (скелет), *żyła* [9] (жила, вена). Такой же общей для русского и польского социолектов будет семантическая модель, основанная на ассоциациях с миром животных (рыбы и круглые черви), равно как и пищевыми продуктами: Ch + RB + Σ → *селёдка* [3], *piszkorz*

¹ Слово *кабанятина* мы считаем неосемантизмом по аналогии с *баранина, телятина* и т. п., применительно к социолектам это слово можно рассматривать как образование по типу *здоровый* → *здоровятина*.

² Ср. польск. *milimetr* и *przecinek* 'большой человек, человек высокого роста'.

[10] (вьюн), *śledź, śledzik* [9] (сельдь, селёдка), $Ch + RK + \Sigma \rightarrow$ *глист* [3], *tasiemiec* [10] (солитер, цепень), $Ch + PR + \Sigma \rightarrow$ *сухарь* [3], *rolmops* [9] (рольмопс).

Остальные два русские неосемантизма образованы по основаниям человек \rightarrow человек и не-человек (физическое явление) \rightarrow человек. К первому имеет отношение модель $Ch + NO + \Sigma \rightarrow$ *пилигрим* [1], ко второму $Ch + EF + \Sigma \rightarrow$ *тень* [3].

Как уже было сказано, в польских социолектах имеется большее количество неосемантизмов, определяющих худого человека, при этом не обнаружено русскоязычных эквивалентов к реакциям, следующим из стимула **худой человек** и ассоциаций с **предметами** и **растениями**. Первая такая семантическая модель включает реакции $Ch + PD + \Sigma \rightarrow$ *dtugopis* [10] (шариковая авторучка), *drzazga* [10] (заноза, щепка), *gwóźdź, gwoździak* [10] (гвоздь, гвоздик), *igła, igielka* [10] (игла, иголка), *szczapa* [8] (щепка), *szydło, szydełko* [10] (шило, крючок для вязания), *świeca* [10] (свеча), *tyka* [10] (шест), а вторая — $Ch + RO + \Sigma \rightarrow$ *todyga* [10] (стебель), *rabarbar* [10] (ревень).

Заметим, что описание номинаций человека по его внешним признакам проводилось нами в порядке их убывания, от большего их числа к меньшему. исходным был русскоязычный материал, с которым сопоставлялся далее польский. По внешнему виду, облику человека можно судить о наличии либо отсутствии у него физической силы. Человек физически сильный рассматривался нами уже в третьей тематической группе, в связи с чем в настоящей, шестой, оказался **ЧЕЛОВЕК ФИЗИЧЕСКИ СЛАБЫЙ, ЗАМОРЫШ**. В этой группе было обнаружено лишь восемь лексем, среди них три русскоязычные.

Характеризуемые лексические единицы образовались на основании единичных ассоциаций (за исключением ассоциации с «RO» в польском языке), что не позволяет говорить о регулярных моделях. В русском материале встретились ассоциации с физическим явлением: $Sb + EF + \Sigma \rightarrow$ *огонь* [7], предметом: $Sb + PD + \Sigma \rightarrow$ *фитиль* [1], [3], [7], равно как и с лицом на основании антигиперболы: *крепьши* [3] (*разг.* человек крепкого телосложения).

Неосемантизмы в польском материале представляют собой номинации физически слабого человека на основе ассоциаций с растениями: $Ch + RO + \Sigma \rightarrow$ *lebioda* [8] (лебеда), *rabarbar* [10] (ревень), одноклеточным существом: $Ch + RK + \Sigma \rightarrow$ *wymoczek* [8] (инфузория), персонажем из детского мультипликационного фильма: $Ch + PF + \Sigma \rightarrow$ *pluto* [10] (*Плутто*). И ещё один польский неосемантизм, восходящий к уже обозначенной номинации лица — *ofiara*, с тем, что первоначально в разговорной речи слово это обозначало *растяпу, недотёпу*, после чего произошло расширение семантики с переносом на слабого человека: $Ch + NO + \Sigma \rightarrow$ *ofiara* [8].

Представленные тематические группы и семантические модели, по основаниям которых определяется человек по внешнему виду, составляют лишь малую часть исследованного нами социолектного материала. Достаточно перечислить не указанные в настоящей статье допустимые стимулы в порядке убывания количества неосемантизмов при них: лысый — *колоно, фантомас, kodzak* (Коджак), *księżyc* (луна) и др.; человек с большим носом — *утконос, флюгер, klubowicz* (*разг.* член клуба)...; старый — *итрих, grzechotnik* (гремучая змея), *piernik* (коврижка)...; молодой — *кнут, szpic* (шпиль)...; обросший волосами — *тарзан, włochacz* (*разг.* мохнатая ткань)...; грязный — *хавронья, чушка*...; одноногий — *коваль*; со следами оспы на лице — *рашпиль*; с усами — *таракан*; горбатый — *dwikatubowiec* (катамаран), *welocyped* (пенни-фартинг)...; с большими ушами — *masztowiec* (мачтовое судно с парусами), *stoń* (слон)...; блондин — *sivek* (*разг.* серая, сивая масть лошади)... И это лишь некоторые тематические группы, предполагающие номинацию, которую, в силу грамматического рода, равно как и андроцентрического характера социолектов, следует воспринимать в отнесении к представителям мужского пола. В рассматриваемых нами социолектах особым вниманием пользуется также и женщина, номинации которой охватывают многочисленные тематические группы, основанные на неосемантизмах, не включённые в настоящую статью по причине объёма.

На основании предложенных когнитивных моделей можно выявить некоторые закономерности, проявляющиеся в русском и польском языковых подстандартах. Нами было рассмотрено 125 лексем, в том числе 75 русских, которые можно рассматривать как результат семантической деривации. На основе предложенных когнитивных моделей можно заметить, что наибольшее число реакций на основные черты внешнего вида человека в обоих языках представляют реакции, основанные на показателе «PD» (предмет, орудие, результат труда) — 35 % лексем в русском языке и 28 % в польском от общего количества неосемантизмов в каждом из языков. Согласно нашим подсчётам, последующие реакции на рассматриваемый стимул в русских социолектах при сравнении с польскими такого параллелизма уже не показывают. В русских социолектах представленные по убыванию реакции составляют следующую последовательность: PR — 14,6 %, SK — 10,6 %, SO — 8 %, PZ — 5,3 %, NO — 4 %, EF, FG, JM, RK и RO — по 2,6 %, прочие (EP, PH, PT, RB, SP, SR и WF) по 1,3 %. В польских социолектах процентное соотношение в порядке убывания реакции таково: SK — 12 %, RO — 10 %, NO, PR и SO — по 8 %, PF и RB — по 6 %, RK — 4 % и остальные (EG, JM, PM, PT и PZ) по 1 %. Небезынтересно то, что некоторые стимулы не привели к возникновению реакций

в виде неосемантизмов. В русском материале таких реакций не наблюдается при ассоциациях с EG, PF и PM, а в польском — с EF, EP, FG, PH, SP, SR и WF.

Таким образом, полученные на основании предложенных когнитивных моделей статистические данные показали, что среди носителей русского и польского языков в социолектах наибольший интерес с точки зрения языковой экспрессии в отношении к внешнему облику человека представляет номинация полного, тучного человека, для которой Реакции имеют основание в моделях $C \rightarrow Ck + SK \rightarrow \Sigma \rightarrow P$; $C \rightarrow Ck + PT + \Sigma \rightarrow P$; $C \rightarrow Ow + SK + \Sigma \rightarrow P$; $C \rightarrow Tl + PR + \Sigma \rightarrow P$; $C \rightarrow Du + PD + \Sigma \rightarrow P$; $C \rightarrow Gr + PZ + \Sigma \rightarrow P$; $C \rightarrow Gr + SO + \Sigma \rightarrow P$ и $C \rightarrow Gr + PF + \Sigma \rightarrow P$. Само выделение предложенных моделей является попыткой теоретического осмысления с помощью метода моделирования, который ранее был использован для анализа морфемной деривации, лексико-семантической деривации русских и польских социолектизмов. Разумеется, говорящие свою речевую деятельность не сверяют с установленными нами моделями. Автоматизм создания социолектизма по той или иной модели, по нашему мнению, опирается, в первую очередь, на подсознательно ощущаемую аналогию к уже существующим образцам, когнитивным моделям.

Литература

1. Балдаев Д. С. Словарь тюремно-лагерно-блатного жаргона (речевой и графический портрет советской тюрьмы) / Д. С. Балдаев, В. К. Белко, И. М. Исупов. — М. : Края Москвы, 1992. — 556 с.
2. Быков В. Русская феня / В. Быков. — Смоленск : Траст-Имаком, 1994. — 222 с.
3. Елистратов В. С. Словарь русского арго / В. С. Елистратов. — М. : Русские словари, 2000. — 694 с.
4. Ермакова О. П. Слова, с которыми мы все встречались. Толковый словарь русского общего жаргона / О. П. Ермакова, Е. А. Земская, Р. И. Розина. — М. : Азбуковник, 1999. — 320 с.
5. Лангаккер Р. У. Когнитивная грамматика / Р. У. Лангаккер ; [пер. С. Н. Петрова]. — М. : ИНИОН РАН, 1992. — 56 с.
6. Мокиенко В. М. Большой словарь русского жаргона / В. М. Мокиенко, Т. Г. Никитина. — СПб. : Норинт, 2001. — 1536 с.
7. Толковый словарь лагерно-воровского языка [Электронный ресурс] // Снегов С. Язык, который ненавидит. — М. : Просвет, 1991. — Режим доступа: <http://www.memorial.krsk.ru/memuar/Snegov.htm>
8. Anusiewicz J. Słownik polszczyzny potocznej / J. Anusiewicz, J. Skawiński. — Wyd. 3. — Warszawa ; Wrocław : Wyd-wo Naukowe PWN, 2000. — 410 s.
9. Kania S. Słownik argotyzmów / Stanisław Kania. — Warszawa : Wiedza Powszechna, 1995. — 274 s.
10. Stępniaк K. Słownik tajemnych gwar przestępczych / Klemens Stępniaк. — London : Puls, 1993. — 735 s.

References

1. Baldaev D. S. Slovar tyuremno-lagerno-blatnogo zhargona (rechevoy i graficheskiy portret sovetskoy tyurmy) / D. S. Baldaev, V. K. Belko, I. M. Isupov. — M. : Kraja Moskvy, 1992. — 556 s.
2. Bykov V. Russkaya fenya / V. Bykov. — Smolensk : Trast-Imakom, 1994. — 222 s.
3. Elistratov V. S. Slovar' russkogo argo / V. S. Elistratov. — M. : Russkije slovori, 2000. — 694 s.
4. Ermakova O. P. Slova, s kotorymi my vse vstrechalis'. Tolkovyy slovar' russkogo obschego zhargona / O. P. Ermakova, E. A. Zemskaya, R. I. Rozina. — M. : Azbukovnik, 1999. — 320 s.
5. Langacker R. U. Kognitivnaya grammatika / R. U. Langacker ; [translated by S. N. Petrova]. — M. : INION RAN, 1992. — 56 s.
6. Mokienko V. M. Bolshoy slovar' russkogo zhargona / V. M. Mokienko, T. G. Nikitina. — SPb. : Norint, 2001. — 1536 s.
7. Tolkovyy slovar' lagerno-vorovskogo yazyka [Elektronnyj resurs] // Snegov S. Yazyk, kotoryi nenavidit / S. Snegov. — M. : Prosvet, 1991. — Rezhim dostupa: <http://www.memorial.krsk.ru/memuar/Snegov.htm>
8. Anusiewicz J. Słownik polszczyzny potocznej / J. Anusiewicz, J. Skawiński. — Warszawa ; Wrocław : Wyd-wo Naukowe PWN, 2000. — 410 s.
9. Kania S. Słownik argotyzmów / Stanisław Kania. — Warszawa : Wiedza Powszechna, 1995. — 274 s.
10. Stępniaк K. Słownik tajemnych gwar przestępczych / Klemens Stępniaк. — London : Puls, 1993. — 735 s.

АКАРТЕЛЬ Густав Міхал,

кандидат філологічних наук, ад'юнкт кафедри російської мови Сілезького університету в м. Катовіце; Сосновець, Польща;
e-mail: akartel@hotmail.com; моб.: +48 503192117

МОДЕЛІ СЕМАНТИЧНИХ ДЕРИВАТИВ У РОСІЙСЬКИХ І ПОЛЬСЬКИХ СОЦІОЛЕКТАХ (на матеріалі номінації людини за зовнішнім виглядом)

Анотація. У статті зроблено спробу відтворити потенційні моделі, що відображають механізми семантичної деривації на основі метафори та метонімії у мовному підстандарті (арго, жаргони, сленг). Розглянуто 125 семантичних дериватів (75 російських і 50 польських). Найбільше реакцій на зовнішній вигляд

людини у російській 35 %) та польській 28 %) мовах є реакціями, які вмотивовані показником PD (предмет, знаряддя, результат праці). Інші реакції на розглянутий стимул у російських соціолектах у порівнянні з польськими не виявляють такого паралелізму. Досліджені семантичні деривати вмотивовані у російських соціолектах так: PR (кулінарія) — 14,6 %; SK (ссавець) — 10,6 %; SO (соматонім) — 8 %; PZ (професія, титул, звання, рід занять) — 5,3 %; NO (обличчя) — 4 %; EF (фізичне явище), FG (геометрична фігура), JM (одиниця виміру), RK (безхребетне) і RO (рослина) — по 2,6 %; інші (EP (елемент неживої природи), PH (історичний персонаж), PT (птах), RB (риба), SP (спортсмен), SR (істота) і WF (фізіологічні виділення)) — по 1,3 %. У польських соціолектах процентне співвідношення в порядку убуття реакції таке: SK — 12 %; RO — 10 %; NO, PR та SO — по 8 %; PF (герой кінофільму) і RB — по 6 %; RK — 4 %; решта (EG (графічний знак), PM (міфологічний персонаж), JM, PT і PZ) — по 1 %. Деякі стимули не призводять до виникнення реакцій у вигляді неосемантизмів. У російському матеріалі немає таких реакцій при асоціаціях з EG, PF і PM, а в польському — з EF, EP, FG, PH, SP, SR і WF. У російських і польських соціолектах найбільша кількість семантичних дериватів, які мотивуються зовнішнім виглядом людини, — це номінації повних, огрядних людей.

Представлені моделі можна використовувати для вивчення регулярних і нерегулярних номінативних процесів неосемантизації.

Ключові слова: семантична деривація, семантична модель, соціолекти, стимул, мотивація, реакція, російська мова, польська мова.

Gustaw Michał AKARTEL

PhD in Philological Sciences, adjunct of the Russian Language Department of University of Silesia in Katowice; Sosnowiec, Poland;
e-mail: akartel@hotmail.com; tel.: +48 503192117

MODELS OF SEMANTIC DERIVATIVES IN RUSSIAN AND POLISH SOCIOLECTS (NAMES OF THE PERSON ON THE BASIS OF APPEARANCE)

Summary. The article attempts to construct potential models that show the mechanisms of semantic derivation based on metaphor and metonymy in the standard language (argots, jargons, slangs). We reviewed 125 semantic derivatives (75 Russian and 50 Polish). Most reactions to the appearance of a person in the Russian 35 %) and in the Polish 28 %) languages are the reactions motivated by indicator PD (the object, the instrument or the result of work). Other reactions to the stimulus considered in the Russian and in the Polish sociolects do not show such parallelism. Semantic derivatives investigated in the Russian sociolects motivated as follows: PR (cooking) — 14.6 %; SK (mammal) — 10.6 %; SO (somatonim) — 8 %; PZ (profession, title deeds, rank, sphere of employment) — 5.3 %; NO (face of person) — 4 %, EF (physical phenomenon), FG (geometric figure), JM (unit of measure), RK (said invertebrate) and RO (plant) — to 2.6 %, other (EP (element of inanimate nature), PH (historical figure), PT (bird), RB (fish), SP (athlete), SR (the creature) and WF (physiological excretion)) to 1.3 %. The percentages in descending order in the Polish sociolects show such reactions: SK — 12 %, RO — 10 %, NO, PR and SO — to 8 %, PF (hero of the film) and RB — to 6 %, RK — 4 % and the rest (EG (graphic sign), PM (mythological character), JM, PT and PZ) to 1 %. Certain incentives do not give rise to a creation of new semantic derivatives. In the material investigated by author there are not new Russian semantic derivatives which could be the reactions to associations with EG, PF, PM, and Polish — with EF, EP, FG, PH, SP, SR, WF. The largest number of semantic derivatives motivated by the appearance of person relate to fat and obese people in the Russian and in the Polish sociolects.

The presented models can be used to study the regular and irregular processes of semantic derivation.

Key words: semantic derivation, the semantic model, sociolect, incentive, motivation, association, the Russian language, the Polish language.

Статтю отримано 10.09.2014 р.